

ЗРЕНИЕ ДУШИ И

ГЛЯДЯ на Бруштейн, Чуковский однажды сказал: «Ну-ка, молодые, поработайте так, как мы в свои восемьдесят лет...»

И верно. Когда к ней ни зайдешь, — она сидит за столом и пишет. А дверь в ее комнату не закрывается. К этой слепнущей, глуховатой женщине с радостью идут все — молодые и старые, маститые и начинающие. Если б меня спросили, что особенно привлекает в ее таланте, — я бы ответила: зрение души. Это точное, емкое понятие я, признаюсь, заимствовала у самой Александры Яковлевны.

Вспоминная о встречах с Николаем Островским, его слепых глазах, и зрячем таланте, она пишет: «Я вижу их и сегодня. Вижу памятью, зрением души». В ее новом произведении «Простая операция» я прочла: «Каждый человек — это возможная книга, хотя далеко не каждая книга — человек».

Бруштейн, как и все наши писатели старшего поколения, училась у Горького его гордой, боевой любви к человеку прогресса, революционеру. У нее в советском искусстве есть, разумеется, дорогие сердцу образы и образцы. Это Левинсон из фадеевского «Разгрома», Николай Островский, Маресьев. Стронтели социализма, участники гражданской и Отечественной войн, герои, всей жизнью своею доказавшие роль подвига в судьбах человека и человечества. Они определили и аспект, нравственную силу «Простой операции». О чем она? О том, что натаракта не стигла активно действующего человека, писателя, на вершине его творчества? Или о том, как че-

Александра Бруштейн. «Простая операция». Журнал «Новый мир», № 11, 1962.

ловек этот оказывается сильнее своих невзгод и героически им сопротивляется? Возможно, о роли интеллекта и о поэзии мужества в повседневной жизни.

Книги такого рода всегда вызывают уважение, а если они талантливы — и восхищение. В «Простой операции» легко обнаружить все приметы высокого искусства. К тому же она создана художником, очень интересно размышляющим о современниках и современности. Александра Яковлевна прожила большую, полезную революционную жизнь. Она щедра в своих наблюдениях, выводах, афоризмах.

Бруштейн импонирует Островский, мыслящий, вопреки болезни, ясно и светло, его несгибаемая воля, умное сердце. И трагические приметы несчастья она вспоминает, чтобы восславить человека, не сдавшегося обстоятельствам. Как это далеко от благостного идеализма и как созвучно отрицанию Горьким красоты страданий; их не надо опоэтизировать, с ними надо бороться во имя жизни и счастья. Бруштейн творчески активна в развитии этой, очень плодотворной для социалистического реализма идеи. И среди людей, окружающих ее, она выделяет не страдальцев, а борцов за осмысленную, полезную окружающим жизнь.

Умение видеть человека с лучшей стороны присуще не каждому. Бруштейн это умение дано. Это и есть те память и зрение души, которые жизненный опыт писателя ставит на вооружение разума и гуманизма. Что навсегда запомнилось ей в образе

О. ВОИТИНСКАЯ

Крулской? Она учила думать, думать самостоятельно и страстно отстаивать свою мысль. А в Марии Семеновне Куряняко? То, что ее трудовая биография, устремления сливаются с устремлениями тех женщин старшего поколения, которые не знали покоя, да и не искали успокоенности. Те же характеризующие психологию нашего современника черты восхищают Бруштейн и в академике В. П. Филатове, его жене Варваре Васильевне, профессоре Н. А. Пучковской. Так выбор героя вводит нас в духовную жизнь автора, позволяет судить о его симпатиях и антипатиях. Надо добавить, что «Простая операция» написана языком точным, живописным, порой возвышающимся до афоризмов. Наша литература обогатилась еще одним хорошим, добрым произведением о людях волевых, мужественно переносящих свое несчастье.

И все же это не вся правда о Бруштейн и ее, на мой взгляд, примечательном творении.

Любовь, высокая, требовательная любовь к людям определяет направление ее творчества. Как это ни удивительно, ее скорбное, избыточное острыми драматическими ситуациями произведение очень оптимистично. Ее сюжет, я бы сказала, сюжет всего творчества Бруштейн — роль идеала в жизни человека. Картины

физического недуга необходимы ей, чтобы отменить, восславить душевное мужество ее товарищей по несчастью. И здесь, в палате Офтальмологического института, она прежде всего художник, знаток и исследователь человеческих душ. Ее наблюдения умны, захватывающе интересны. В них читатель найдет то, что всегда необходимо людям, — витамин бодрости и гуманизма.

...Кудесники из филатовского института вернули зрение Бруштейн. Она ликует: «До чего прекрасен мир и как много в нем для меня забытого, радостно вспоминаемого снова!.. Я возвращаюсь в эту жизнь издалека, возвращаюсь на свое место, как домой!».